

Зареев Г.Г.

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕДУЩИХ «СОВЕТОЛОГОВ» ЗАПАДА

Зареев Г.Г. – старший научный сотрудник отдела социологических проблем пропаганды ИСИ АН СССР

Ряд ведущих «советологов» и «кремленологов» Запада представили свои оценки современной ситуации по инициативе редакции французского журнала «Экспресс» (международное издание). Среди них известный Ричард Пайпс, профессор истории Гарвардского университета (США), бывший первые два года пребывания Рейгана у власти руководителем директората по советским делам Совета национальной безопасности США; Пьер Асснер, руководитель исследований в Национальном фонде политических наук, специалист по исследованиям отношений Востока и Запада; Ален Безансон, глава французского центра по исследованию коммунизма; Леопольд Лабедз, главный редактор антикоммунистического журнала «Сервей», «посвященный исследованиям коммунистического мира и отношений Восток – Запад», издающегося под эгидой Лондонской школы экономики; а также ряд журналистов: заместитель главного редактора «Экспресса» Жером Дюмулен, консультант главного редактора Бернар Ульманн, С. Картвели, Оливье Вормсер.

Основные выводы высказываний названных экспертов и публицистов полностью совпадают, они имеют весьма пессимистический характер. Общий заголовок подборки материалов в журнале от 24 февраля «На Востоке ничего нового» отражает этот пессимизм, причиной которого является неизменность политического курса Коммунистической пар-

тии. Безансон утверждает, например, что «в советской системе политическая линия имеет более важное значение, чем тот, кто ее осуществляет», а также что с 1964 года по настоящее время эта линия строго выдерживалась и выдерживается: «Эта линия согласованная, с она приносит свои плоды. Она проводится безличностным, но эффективным способом Партией...». Для того, чтобы предвидеть изменение линии, необходимо, чтобы она потерпела неудачу. Это не тот случай, и мы сами способствовали ее успеху». Спекулятивные попытки противопоставить одних советских руководителей другим отвергает и Асснер, говоря, в частности, о неправомочности навязывания советской политической реальности американской схемы деления на «голубей» и «ястребов». Б. Ульманн также считает бессмысленным определять советскую политику по именам ведущих руководителей, он утверждает: «Партия решительно идет тем же путем, и так будет всегда» (выделено Ульманном). По Лабедзу, в настоящее время «положен конец большинству спекуляций о перспективах глубоких реформ советской системы».

В области внешнеполитической стратегии Советского союза также не ожидаются какие-либо перемены. Согласно Лабедзу, «совершенно нереалистично ожидать до американских выборов каких-либо значительных инициатив или уступок с советской стороны». Советская стратегия при этом, по его словам, «по-прежнему основывается на надеждах Кремля отделить Западную Европу от Соединенных Штатов и помешать переизбранию Рейгана», и этот прогноз считается совершенно не зависимым от чьих-либо склонностей.

Высокий уровень представительства от основных держав Запада на траурных церемониях в Москве – особенно приезд Буша, Тетчер, Коля и Моруа, – не считается основанием для выводов о сближении Запада и СССР. Однако это «паломничество в Москву», как его называет, Дюмулен поставило советское руководство «в удобную позицию того, кто держит в своих руках ключ разрядки», а западных руководителей «похоже» – в «обращающихся к Кремлю в качестве просителей», ...Дюмулен отличает также некоторые признаки поворота в политике ведущих западных держав по отношению к СССР: необходимость для президента Рейгана – считаться с предвыборной обстановкой; приоритет, который «при всей запутанности политических тенденций», Западная Германия отдает отношениям между двумя германскими государствами, «которые в конечном счете зависят от Москвы»; заявление Тетчер, что ее присутствие в Москве отражает не «внезапный и непредвиденный поступок» а,

напротив, зрело обдуманное поведение, а также выраженную ею во время предшествовавшего визита в Венгрию «твердую решимость уменьшить напряженность»; акцент, который делают в последнее время в Париже на высказываниях Миттерана, свидетельствующих о том, что он «нисколько не был бы против проведения активной восточной политики», а также высказывание премьер-министра Моруа во время пребывания в Москве, что «сотрудничество между Францией и СССР должно достигнуть несравнимого уровня».

Выражающие позицию правых, авторы «Экспресса» отражают недовольство такой возможностью развития событий, рекомендуют западным политикам придерживаться позиции осторожного выжидания», не «бросаться в Кремль ... с односторонними уступками». Тот же Асснер считает, что в настоящее время политическая ситуация в какой-то мере уравнилась: «русским» не удалась попытка «вытеснить из Европы американцев», американцам «не удалось исключить русских из игры» на Ближнем Востоке. В этих рамках он предлагает вести дальнейшую «торговлю». Все «советологи» преподносят начало размещения «евроракет» как победу Запада, отмечается также, что Рейган и Миттеран «не выставляют более в качестве предварительного условия возобновления диалога урегулирование польских и афганских дел».

«Советологи» единодушно приписывают Советскому Союзу участие в «международной терроризме». Предшествующий период в СССР, по заявлению Безансона, отмечен «одним важным политическим нововведением: массивным и прямым вовлечением советской мощи в международный терроризм, Игю службы обеспечили последнему помощь, убежища, лагеря подготовки, оружие. Наиболее показательным было покушение на папу римского». Покушение на Иоанна-Павла II без всяких оговорок приписывается СССР. Асснер дополняет картину инсинуациями о том, что «упор был сделан на терроризм, на манипуляции», воля советского руководства якобы «без сомнения проявилась в области «тайных» операций. Например, в отношениях с Каддафи и с Асадом, в событиях в Чаде и Ливане...»

Смысл советской внешней политики извращенно сводится, по Пайпсу, к «компенсации внутренних неудач успехами за рубежом». Этот чисто пропагандистский тезис более подробно разворачивается Безансоном и выводится им из его концепции политической линии СССР. Во внутреннем плане она состоит якобы в том, чтобы «извлекать из постоянных структур советской системы все, на что она способна в смысле производства реальной мощи», не стремясь модифицировать систему.

«Но эту мощь следует использовать сполна в поисках внешних успехов». В этих целях, заявляет «советолог», «международное коммунистическое движение эксплуатирует кризисы, происходящие в несветском мире», который «в отличие от советской сферы, живет в истории и подвержен движениям и случайностям». Задача коммунистического движения заключается якобы в том, чтобы «представить коммунистическую власть как средство разрешения этих кризисов, какова бы ни была их природа «Продвижение коммунизма» с сожалением констатируется, но относится на счет «умелого манипулирования» напряженностями и кризисами, в числе которых называется процессы деколонизации (Вьетнам, Ангола), «падение диктатуры» (Никарагуа), «распад старого режима» (Эфиопия), «падение демократии» (Чили), «глубинные движения подобные исламской революции».

Попытки представить проявления закономерного исторического процесса, в частности, мирового революционного процесса в качестве неких «случайностей» и результатов «манипуляций» с советской стороны сопровождается другим сквозным мотивом – сожалениями о том, что капиталистические страны будто бы способствует советским успехам, и призывами уменьшить или вовсе прекратить эту «помощь». Тот же Безансон утверждает, что «развитые западные страны убеждаются или вынуждаются способствовать росту советской мощи денежными субсидиями и технологическим вкладом». Наиболее подробно эта идея раскрывается Пайпсом, превращаясь у него во враждебную стратегию оказания давления на нашу страну, Пайпс исходит из совершенно ложных посылок, которые тем не менее заслуживают внимания как пропагандистская версия и показатель направленности «советологического» мышления. Пайпс утверждает, что с кончиной Ю.В. Андропова наступил «новый этап внутреннего кризиса Советского Союза». Признание того, что наша страна на протяжении всей своей истории «продемонстрировала, что она может выдержать ужасные испытания», Пайпс делает для придания правдоподобия своему домыслу об «отсутствии сильного руководства» в СССР «практически на протяжении последнего десятилетия». Без такого руководства страна «не может функционировать политически и психологически» и «советская политическая машина» якобы «работает вхолостую», отчего проблемы в стране не решаются, а «накапливаются». В свой набор Пайпс включает усиленно эксплуатируемые западной пропагандой «экономические проблемы», демографическую проблему, суть которой сводится к прогнозируемому «советологами» «изменению

этнического состава армии» из-за уменьшения рождаемости среди «славянского населения», проблему так называемой второй экономики, которую он подает как уход из-под контроля режима возрастающей части экономики потребления», проблему управления народным хозяйством. Последняя сводится им к примитивной схеме противопоставления не функционирующих больше «грубых методов насильственной индустриализации» и советского рабочего класса, который, согласно Пайпсу, «практикует различные формы пассивного сопротивления»

Принятие решений в Советском Союзе в рассматриваемой схеме «постепенно было передано более низким эшелонам бюрократии», а «высшие эшелоны партии» находятся в состоянии «панического страха перед реформами», которые уже не могут больше ждать». Смысл реформ управления экономикой заключается для Пайпса в необходимости для партии «уступить часть своей власти под угрозой потерять ее полностью». Нежелание этого якобы выражается в попытках «отвлечь внимание населения выдумками об империалистической агрессии, сионистской угрозе».

На этой схеме и строится основная рекомендация западным политикам: занимать в отношении Советского Союза «твердую позицию», поскольку-де «чем более тверда будет позиция Запада, тем более трудно советскому режиму будет избежать реформ².

Считая неверной «аксиому, принятую в западных правительственных кругах», что «в переходные периоды в Москве Запад должен насколько только возможно быть сговорчивыми, чтобы не допустить перехода власти в руки сторонников «жесткого курса», Пайпс заявляет, что эта позиция основывается на неверном постулате (и здесь он прав), согласно которому доминирующим для советских руководителей является страх перед Западом.

В итоге Пайпс провокационно призывает «углубить» выдуманный им кризис «кризис в СССР» занятием в политическом плане позиции «недружественного нейтралитета»: «Мы не должны угрожать Советскому Союзу, но и не должны создавать у его руководителей впечатления, что мы можем им помочь еще один раз – политическими и экономическими уступками – избежать трудного для них выбора». Реальный смысл измышлений антикоммуниста прост: «режим, обратившийся к решению своих внутренних проблем будет менее опасен... демократиям», т.е. мировому капитализму.

Ссылаясь на то, что «умение русских скрывать и молчать о делах своего государства», как докладывал в 1607 году королю Франции Ген-

риху 1У его посол Жак Маркере, осталось прежним, Оливье Вормсер единственный прямо признает, что «кремленологи за отсутствием знания того, что происходит в действительности, прибегают к индукции, к дедукции, к рассуждениям по аналогии и к предположениям». Следуя этим путем, Вормсер также выступает сторонником реформ для Советского Союза, цель которых столь желанная для Запада «либерализация» и уступки Западу в политической, военной и иных областях. Невозможность «больших изменений» особенно в ближайшее время очевидна этому автору. Но препятствие для осуществления «реформ» этот автор усматривает не в «номенклатуре», как Пайпс, а в вероятном сопротивлении «местных аппаратчиков» – сторонников «неподвижности», а также в советской идеологии, которая, как он в целом верно считает, «остаётся незыблемой». Более интересны заключительные выводы Вормсера. Он не ожидает ничего хорошего для Запада и в случае реформ: «Если СССР проведет глубокие экономические реформы, не увеличится ли его вес? ... Если Уровень жизни в СССР повысится, не возрастет ли советское влияние, и так существенное? Мудрость для Запада заключается в том, чтобы наблюдать и воздерживаться от необдуманных пожеланий относительно перемен, последствия которых, если говорить правду, никто не может предвидеть».

Определенный интерес представляют рассуждения о политической системе Советского Союза. Он выдвигает новую концепцию, заключающуюся в том, что в нашей стране «на первый план выдвигаются технические органы Партии» – «КГБ, дипломатия и армия стали опорами режима». Отвергая как **иллюзию** распространяющуюся западными идеологами концепцию о «переходе реальной власти от партии к армии», утверждает, что в СССР армия есть «техническая модальность партии», полностью ей преданная «КГБ, дипломатия, армия. Центральный комитет представляют собой специализации внутри единой партии, подобно танковым войскам, артиллерии или разведке внутри французской армии».

Внутренней политике нашей страны уделяет основное внимание С. Картвели. Он сразу же заявляет, что «экономическая реформа» здесь остается «мертвой буквой», но зато якобы репрессивность в стране возросла. Отмечая, что «последние пятнадцать месяцев» в социальном плане отмечены изменениями, выражающимися в утверждении ценности труда, в отвержении позиции безучастности, в борьбе против паразитизма, Картвели выделяет как «примечательные» три закона, приня-

тые с ноября 1982 года. Истолкование этих законов, конечно, сугубо антисоветское. Новый Закон о государственной границе СССР, как утверждается, дает КГБ дополнительные средства в выполнении своей «двойной миссии: охране советской территории от иностранных вторжений и в ограничении передвижения советских людей». Действие этого Закона прямо связывается с гибелью нарушившего советское воздушное пространство южнокорейского самолета и с жертвами недавней попытки угона самолета в Грузии.

Второй закон, привлечший внимание «советолога», касается «расширения позиций, позволяющих административное задержание, разрешая администрации мест заключения без решения суда по своему усмотрению продлевать срок заключения и позволяя в то же время без ограничений осуществлять наблюдение за вышедшими из заключения». Этот закон, по заявлению Картвели, уже применен к участникам «Хельсинских групп».

Третий закон, принятый в начале февраля, излагается как вводящий лишение свободы на срок от двух до трех лет за передачу советским гражданином «официальной» информации. Итог подводит провокационное заявление Картвели о том, что эти три закона якобы «противоречат принципам, содержащимся в хельсинкском соглашении, не вызвав никакой реакции со стороны других государств-участников».

В «итоги» последних пятнадцати месяцев включаются «усилия в поддержку политики русификации», «регулярные боевые действия», будто бы проводимые в республиках Прибалтики, в Грузии и на Украине «против историков, обвиненных в националистических отклонениях, против художественных произведений, вдохновленных местной культурой, пережитками устаревших традиций». Нападкам «советолога» подвергается даже проект школьной реформы, в котором он как наиболее важные выделяет две позиции, ничего общего не имеющие с реальным замыслом, но важные для сведения как направления пропагандистской клеветы «правозащитного» оттенка на указанный проект. Последним якобы «отменяется запрещение на использование детей в качестве рабочей силы и устраняется разграничение, существующее между профессионально-техническими школами и школами классического типа обучения». С учетом приведенных выше инсинуаций понятен вывод Картвели о том, что эти изменения в политике рассчитаны на длительный период, а не являются «временным замораживанием». Несколько иначе оценивает внутривнутриполитическую ситуацию Ульманн; «уголовные репрессии усилились, но каждый поворот винта сопровождался текстом

Закона», он не ожидает дальнейшего усиления «репрессивности», к тому же «диссидентов очень эффективно заставили замолчать».

Собственно идеологическим вопросам в анализе отведено незначительное место. В иной связи ранее отмечалась оценка советской идеологии как незыблемой и практически неуязвимой для Запада, как основной помехи ему на пути размывания устоев советского общества. Леопольд Лабедз для ясности отсылает своих читателей к материалам июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС, цитирует доклад К.У. Черненко: «Но есть истины, не подлежащие пересмотру, проблемы, решенные давно и однозначно».

«В плане культурном и идеологическом, по оценке Картвели, предшествующий и нынешний период представляют собой возврат к порядку и социалистическому реализму во всех его областях: от кино до театра, от живописи до социологии». Ульманн ссылается на безвестных «интеллектуалов из советской столицы», которые в частных беседах с западными представителями выражают «серьезную обеспокоенность» возможностью, по их мнению, установления «тотальной ортодоксии в смысле социалистического реализма». Лабедз прибегает к испытанному пропагандистскому стереотипу «ждановской концепции культуры», ссылаясь на «имевшие место несколько примеров», когда критиковались «музыкальные группы, чей репертуар сомнительного происхождения» наносил «идеологический и эстетический ущерб» советскому народу.

Рассмотренные выше подходы советологов к современной ситуации в Советском Союзе находят свое отражение в массовой пропаганде Запада, в том числе и на нашу страну.